

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ТРУДЫ
Отделения
историко-
филологических
наук
2020

Том 10

Ответственный редактор
академик РАН В.А. ТИШКОВ

Москва
2021

Содержание

Тишков В.А. Предисловие к 10-му тому «Трудов Отделения историко-филологических наук РАН»	4
---	---

Часть 1. Научная сессия Общего собрания Отделения историко-филологических наук РАН

«75 лет Атомного проекта: взгляд историка» (7 декабря 2020 г.)

Батурич Ю.М. Консолидация участников будущего атомного проекта (Историко-литературное эссе)	9
Мальков В.Л. Атомная проблема в межсоюзнических отношениях	30
Побережников И.В., Мельникова Н.В. Повседневность закрытых атомных городов СССР	35
Козлов В.П. Документальная публикация «Атомный проект СССР» с позиций современной теории археографии	51
Мухин М.Ю. Советские АЭС постсоветского пространства	58

Часть 2. Актуальные вопросы гуманитарных наук

Батурич Ю.М. Динамика позиции РСФСР по отношению к союзному договору (1990–1991)	65
Попова И.Ф. Легитимация императорской власти танской У Цзэтянь (624–705)	81
Седов Вл.В. Спасо-Преображенский собор в Переславле-Залесском: основные проблемы изучения архитектуры	98
Силантьев И.В., Капинос Е.В. Эволюция понятия сюжета в контексте современных сюжетографических исследований	119
Муллонен И.И. Карельские рукописные памятники письменности: проблемы языковой атрибуции	133
Усачёв А.С. Писцы рукописных книг и внутренние миграции в России XVI века	146
Данилко Е.С. Поиски Беловодья в казачьих дневниках	198
Зайцев И.В. Османский Коран из коллекции Оренбургского Губернаторского историко-краеведческого музея	209

Часть 3. Из истории науки

Сидорова Л.А. Научное наследие С.М. Соловьёва в исторической науке России: К 200-летию историка	216
Алиева А.И., Мунаев И.Б. Фольклор и этнография чеченцев в российских научных изданиях XIX – начала XX вв.	230
Загребин А.Е. Финно-угорские исследования в Императорской Санкт-Петербургской Академии наук (1830-е – 1910 гг.): предварительный обзор	271
Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. «Вот в какое время мы жили, и замолчать этот факт я не могу ...» (Академик С.А. Жебелёв и «чистка» ГАИМК в 1930 г.)	278

Список сокращений	316
--------------------------------	------------

Сведения об авторах	318
----------------------------------	------------

Карельские рукописные памятники письменности: проблемы языковой атрибуции*

И. И. Муллонен

В статье предложен обзор рукописных карельских памятников, а также их интерпретаций, предпринятых в разные годы российскими и зарубежными исследователями. Эти памятники немногочисленны и созданы в основном в XVII — начале XVIII вв. на кириллической основе. Помимо уже включённых в научный оборот в статье описан также новый для истории карельской письменности источник — карело-русский словарь-разговорник XVII века, обнаруженный недавно Н. В. Савельевой в Государственном историческом музее. Каждый из памятников дискуссионен в плане того языка, на котором он написан. Исследователи выбирают между карельским и «чудским» (т.е. исчезнувшей разновидностью прибалтийского финского языка, бытовавшего в новгородское время в Поволховье), карельским и вепским, карельским и финским, отдельными карельскими наречиями. В статье показано, что в языке памятников присутствуют признаки, несвойственные современным карельским наречиям, однако отражающие их исторические особенности. Предложены также некоторые новые интерпретации отдельных фрагментов записей.

Ключевые слова: памятники письменности, карельский язык, словарь, берестяные грамоты, заговоры, тверские карелы, Поморье, Приладожье.

Известные науке рукописные памятники карельской письменности немногочисленны и принадлежат в основном XVII — началу XVIII вв. Недавно этот список пополнился ещё одной рукописью XVII в., обнаруженной в Отделе рукописей Государственного исторического музея (г. Москва). Это — карело-русский словарь-разговорник, входящий в состав рукописного сборника, составленного в 1668 г. «чёрным дяконом» Прохором Коломятином в Ростово-Ярославских землях. Собственно, подготовка введения этого памятника в научный оборот и побудила обратиться к обзору известных на сегодняшний день карельских рукописей, с тем чтобы обозначить его место в этом континууме.

Карельский язык XIII века?

Историю карельских памятников принято начинать с берестяных грамот XIII в. Наиболее известная из более чем десятка новгородских грамот с карельскими сюжетами — грамота 292 — представляет собой единый текст, записанный примерно 50 знаками на трёх строках (Рис. 1). Она неоднократно привлекала к себе внимание исследователей, из ранних работ наиболее известны [Елисеев, 1959: 65–72; Haavio, 1964: 1–17; Хелимский, 1986: 252–259]. Менее востребованы в отечественной исследовательской

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–012–00200 А.

традиции зарубежные исследования конца XX века [Vermeer, 1991. P. 315–369; Winkler, 1998: 23–29; Laakso, 1999: 531–555]. Традиционно считалось, что это карельский заговор от молнии, при этом интерпретация отдельных деталей демонстрирует значительную разницу. К примеру, там, где в первом ряду одни видят «і десятиричное», которое расшифровывается как *10* (имен), другие полагают, что оно образует единый комплекс с последующими знаками и прочитывается как **in(h)imiže(n)* или **ine(h)miže(n)*, что сопоставимо с кар. *inehmine*, эст. *inimene*, вепс. *inehmoi* ‘человек’. В конце наиболее сложной для интерпретации второй строки Ю. Елисеев видит сочетание местоимения *ома* — *ота* ‘свой’ и дательного падежа рус. *Бог* — *Богу*, Е. Хелимский же, кажется, ближе к истине, предлагая вычленять последовательность знаков *омобоу* (скорее, все же, **омьбоу*, чем **амьбу* у Е. Хелимского с нехарактерной для данной позиции эпентезой) — орфографически оправданный вид прибалтийско-финского **ambu* ‘стреляй, выстрели’. Активную дискуссию вызвала также вычленяемая в конце третьей строки последовательность знаков *(n)охови*. Исследователи склонны видеть в ней историческую форму презенса 3 л. ед. ч. **johtavi* глагола *johtaa* ‘управлять, возглавлять; вести’ (Ю. Елисеев), при этом, однако, никак не комментируя отсутствие *t* в записи грамоты, или соответствующую форму глагола *ohjata* ‘править, управлять’ (Е. Хелимский). Последняя интерпретация тоже некорректна, поскольку не учитывает исторический облик основы (**ohjata- ~ *ohjada-*), с согласным *t*, который должен был оставить какой-то след в записи [Laakso, 1999: 538, 540]. Ближе к истине, видимо, Вермеер, предложивший иное членение текста и выделивший последовательность *похови*, которая корректно возводится к приб.-фин. **pahovi* ← *pahoa* (**pahodak*) ‘осуждать, говорить негативно о чем-либо’, дающую возможность несколько иного прочтения всей фразы [Vermeer, 1991].

ЮМОЛАНУОЛИЇНИМИЖИ
НОУЛИРЪХАНОЛИОМОБОУ
ЮМОЛАСОУДЪНИПОХОВИ

Рис. 1. Берестяная грамота 292.

В своё время Ю. Елисеев, обосновывая карельский язык памятника, ссылаясь, прежде всего, на дифтонг *-uo-* в слове *нуоли* / *tuoli* ‘стрела’, являющийся дифференцирующей финско-карельской особенностью на фоне других прибалтийско-финских языков. Однако этот критерий, как показали более поздние исследования, не столь однозначен, ибо, во-первых, в тексте слово написано три раза по-разному (*нуоли*, *ноули*, *ноли*), во-вторых, образование восходящих дифтонгов из долгих гласных — поздний процесс, происходивший ещё в XVI в. [Häkkinen, 2002: 76]. Кроме того, в действительности *-uo-* может здесь, как и ряде других текстах грамот, быть зеркальным отражением диграфа *ou*, который, в свою очередь, может соответствовать прибалтийско-финским *u*, *uo*, *õ* [Vermeer, 1991: 373]. Этот ряд особенно актуален с учётом того, что приб.-фин. *tuoli* исторически имело вид **nõle*, т.е.

на месте дифтонга выступала долгая гласная. Столь же ненадёжен и второй предлагаемый маркер — предпоследний знак *ж* в первой строке, отражающий прибалт.-фин. *ž* < **s*. Он интерпретируется убедительнее в вепском, чем в карельском контексте. С другой стороны, новые интерпретации позволяют довольно убедительно утверждать, что в языке грамоты отсутствовала такая маркирующая особенность карельского языка как чередование ступеней согласных; по этому признаку он, скорее, вновь близок вепскому. Впрочем, вепские параллели маркируют здесь, скорее, некую угаснувшую восточную разновидность прибалтийско-финского языка, бытовавшую в XIII в. в окрестностях Новгорода [Laakso, 1999: 550]; возможно, речь может идти о «чуждом» языке, оставившем заметный след в местной топонимии [Rahkonen, 2011].

Помимо известной грамоты определённые языковые вкрапления известны из ряда других записей. Среди них — грамота 403 XIII века, которая включает в себя небольшой русско-прибалтийско-финский глоссарий, который, исходя из характера включённых в него слов, был составлен русским новгородцем для взыскания долгов с жителей Кирьяжского погоста [Хелимский, 1986: 254–255]. Исследователи, обращавшиеся к этому материалу, не ставили вопроса о конкретной языковой принадлежности шести слов глоссария, хотя, если исходить из привязки их к Кирьяжскому погосту, располагавшемуся в северном Приладжье — исконной территории карельского этноса, логично видеть в нем именно карельский язык. Однако фрагментарность материала, а также его непоследовательность (например, в отражении глухости — звонкости согласных) и даже возможные ошибки в записи, вызванные тем, что её автор не владел свободно языком, не дают однозначного ответа.

Более доказателен на этом фоне топонимический и антропонимический материал берестяных грамот. Он, особенно антропонимия, многократно становился объектом анализа, начиная с конца 1940-х годов (А.И. Попов, А.А. Мещерский, Ю. Мягисте, А.Л. Шилов, В.Б. Крысько). Наиболее полные обзоры представлены Е. Хелимским (27 имён) и Я. Саарикиви (более 50 антропонимов) [Saarikivi, 2009]. Многие из них содержат убедительные карельские фонетические признаки (*Кюлолакша*, *Ваяжин*, *Мелич*). Видимо, на карельские истоки указывает также конечная огласовка *-ой* или *-уй* в *Гымуй*, *Вигуй*, *Мундуй*, *Кокой*, *Тадуй* и др., которую Е. Хелимский считает русским суффиксом, хотя более аргументировано выглядит позиция Я. Саарикиви, идентифицировавшего её с диминутивным формантом, характерным для антропонимических систем восточных прибалтийско-финских языков, в частности, карельского [Saarikivi, 2009: 243]. Кроме того, карельские истоки подтверждаются и самой географией тех мест, к которым относятся документы. Так, целый ряд грамот связан с территорией упоминавшегося выше Кирьяжского погоста и его исторического центра Кюлолакши. Показательный пример — грамота 130 из Кюлолакши рубежа XIV–XV вв., в которой упомянуты *Вигарь*, *Валит*, *Ваивас* и *Мелит*. Все они имеют убедительную прибалтийско-финскую (а в контексте территории бытования — карельскую) интерпретацию [Хелимский, 1986: 256–258; Saarikivi, 2009: 212–213, 222–223, 237].

Следующий этап (XV–XVI вв.) тоже представлен главным образом карельскими топонимами и антропонимами, в изобилии встречающимися на страницах исторических документов новгородского и шведского происхождения, относящихся к Позднему Средневековью. Среди них материалы писцового дела, государственные и частные акты. «Карельская» антропонимия этих источников подробно проанализирована в работах финляндских и российских исследователей. Традиция заложена Й. В. Ронимусом, обратившим внимание на карельскую антропонимию в писцовой книге Водской пятины 1500 года [Ronimus, 1906]. Впоследствии материал писцовых книг Обонежской и Водской пятины для реконструкции карельского именослова активно привлекал основоположник финской ономастики В. Ниссиля [Nissilä, 1967; Nissilä, 1975]. Материал продолжает оставаться и в поле зрения современной финляндской ономастики [Raunama, 2020]. В российской ономастике внимание к карельской топонимии и антропонимии писцовых книг Обонежской пятины привлёк А. И. Попов [Попов, 1949], карельский именник новгородских и шведских документов нашёл отражение в работах И. А. Кюршуновой [из наиболее известных: Кюршунова, 2010]. В наибольшей степени убедительные результаты на обширном материале получены Д. В. Кузьминым [Kuzmin, 2014, Кузьмин, 2020]. Показано, что в источниках сохранились как некалендарные имена карелов, входившие в общий прибалтийско-финский именник, так и карельские народные варианты русских календарных имён.

Памятники XVII — начала XVIII вв.

XVII век был во многом определяющим как для истории карельского этноса, так и формирования карельской диалектной карты. В результате многовекового российско-шведского противостояния исконно карельские земли в Приладожье отошли Швеции, что привело к массовой миграции карелов на территорию российского Северо-Запада. Именно в это время образуются большие карельские анклавы в верхнем Поволжье (тверские, валдайские, тихвинские карелы), активно осваивается территория современной Карелии, а в южных её пределах происходит формирование двух карельских наречий (ливвиковского и людиковского) — как результат карелизации местного вепсского населения.

Именно к этому времени относится появление нескольких значимых для истории карельского языка рукописей, что, конечно, сопряжено с выходом карелов на авансцену российской жизни.

Первый по времени памятник — это рукописное собрание заговоров «Олонецкий сборник» второй четверти XVII века, включающее 125 заговорных текстов, среди которых 9 финноязычных. Рукопись была найдена учителем Петрозаводской духовной семинарии Л. Л. Малиновским и частично опубликована в 1876 г. В 1913 г. В. И. Срезневский издал большую подборку из 87 текстов, а также привёл инципиты всех текстов, включая и финноязычные. Полное издание всех текстов Олонецкого сборника осуществлено в 2010 г. А. Л. Топорковым [Топорков, 2010]. В этом издании приведены подробные комментарии к карельским заговорным текстам, осуществленные С. А. Мызниковым, а также история их языковой атрибуции.

Известный финский лингвист Э.Н. Сетяля, которого В.И. Срезневский привлёк для атрибуции языка тестов, полагал, что записи сделаны на «весьском», т.е. вепсском языке. В.В. Пименов в своей известной книге о вепсах предположил, опираясь на изыскания языковедов-вепсологов, что язык заговоров «ныне исчезнувший, занимает, возможно, промежуточное положение между собственно вепсским и людиковским диалектом карельского языка» [Пименов, 1965: 185–186]. Наиболее полное исследование языковых особенностей финноязычной части памятника, а также публикация текстов с их переводом была осуществлена в 1980-е годы А.П. Баранцевым. Он пришёл к заключению, что заговоры записаны на людиковском наречии карельского языка, обратив при этом внимание на то, что часть текстов ближе к вепсскому, а другие — к собственно карельскому языку. Более того, он предположил также, что тексты заговоров были записаны в Прионежье двумя жителями деревни Андриевская Ялгубской волости Шуйского погоста Григорием Меркулевым и его племянником Кузьмой Федоровым, родоначальниками ялгубских обельных крестьян [Баранцев, 1984; Баранцев, 1987]. Людиковские языковые истоки текстов оспорил С.А. Мызников, который предложил осторожно именовать их «карельско-вепскими», а местом записи считать в общем плане Обонежье [Мызников, 2010]. Очевидно, этой разногласия в интерпретации языкового материала можно избежать и перевести её в терминологическую плоскость, если иметь в виду языковую ситуацию начальных десятилетий XVII века, когда в силу известных исторических обстоятельств происходил активный отток собственно карельского населения из Приладожья в Прионежье, на исторически вепские в языковом отношении территории. Людиковские говоры, и сейчас характеризующиеся значительной пестротой, в XVII веке ещё только формировались, поэтому оправдана отмеченная А.П. Баранцевым неоднородность текстов в плане соотношения карельских и вепских элементов. Однако в них уже присутствуют дифференцирующие людиковские признаки, потому их людиковская атрибуция представляется наиболее близкой к истине. Среди них, в частности, людиковская глагольная парадигма или почему-то оставшаяся незамеченной исследователями явная тенденция к употреблению знака **ћ** на месте карельского дифтонга *ie*, который является отличительным признаком людиковского на фоне вепсского, использующего в соответствующей позиции *e*: мћзь [miezʹ] ‘человек, мужчина’, тћдян [tiedän] ‘знаю’, лћнеп [lieneb] (во фразе *и кен лћнеп тегну сен паса(н)* ‘и кто сделает это зло...’) — вспомогательный глагол с семантикой действия, которое может произойти в будущем, мћлен [mielen] ‘разум’. В связи с этим, кажется, требуют пересмотра слова *тидия* ‘знающий’ (*tiedäi), в котором следовало бы ожидать в первом слоге **ћ**, и *тћкия* ‘делать’, т.е. возводимое интерпретаторами к приб.-фин. *teke-*, с кратким звуком *e* [Мызников, 2010: 294–295]. Но это значит, что пересмотра требует и вся фраза свадебного оберега 38 *Ни тидяи тћкия нитуизнеи тукони, махтаи махтћкага* ‘Не знающий делать из лугового (сена) связку, умеющий пусть умеет’, которая действительно сложна для восприятия и, видимо, для её интерпретации ещё не все возможности исчерпаны. Не исключено, что она делилась на слова несколько иначе, и в ней речь шла о нити или нитях (niitid) — уместный в контексте

свадебного оберега образ, начало фразы могло выглядеть как *нитид яй* (niitid äi) ‘нитей много’. В этом случае с ними, а не с луговым сеном (niitty ‘луг, покос’) может быть связана и следующая далее по тексту словоформа *нитуизнеи* ‘из нитей’. Заговорные тексты и в силу специфики жанра, и несовершенства записи, и по причине малой изученности образного мира и поэтики карельской заговорной традиции очень сложны для интерпретии. К примеру, вряд ли стоит в тексте заговора на удачу на охоте (текст 118) реконструировать образ «госпожи ели Малдин» [Мызников, 2010: 301]. Скорее, следует принять во внимание принцип повторяемости, свойственный карельской заговорной традиции, и сопоставить *тули рухнас малдин кузи вастгаин* ‘попалась госпожа ель Малдин навстречу’ (в переводе С. А. Мызникова) с ранее в тексте записанной фразой *тули куивь кузи* ‘попалась (навстречу) сухая ель’. В этом ряду есть возможность возвести *рухнас малдин* к карельскому **ruhnasmaldini* ‘с наростами, с шероховатой поверхностью’, реконструирующемуся по карельской модели *sem/maldini* ‘такого-то вида, качества, подобный тому’ [см. словарную статью *maltime* в KKS] и семантически однородному с *куивь кузи* (kuiv kuuzi) ‘сухая ель’.

Один из наиболее важных для истории карельского языка источник — это карельско-русские словарные записи XVII века, обнаруженные в библиотеке Соловецкого монастыря в конце XIX века. Они сохранились в одном из списков т. н. «Азбучного (Алфавитного) патерика» [Соловецкое собр. РНБ, № 648/706]. Вывезенная в Казань в середине XIX в., рукопись была описана профессором И. Я. Порфирьевым [Описание, 1885]. Позднее к ней дважды обращался известный финский славист Й. Миккола, сделавший расшифровку документа и обративший внимание на две особенности карельского говора, отражённого в списке: обусловленная позиционно дистрибуция свистящего *s* и шипящего *š*, а также отсутствие палатализации перед *i* [Mikkola, 1901; Mikkola, 1932]. Рукопись также привлекла внимание Н. А. Мещерского, который выправил некоторые погрешности предшественников, а также высказал свои соображения об авторстве и времени создания рукописи [Мещерский, 1961: 16–22]. Новое обращение к рукописи, предпринятое в последние годы, позволило установить автора рукописи, уточнить время её написания, а также верифицировать карельскую диалектную основу списка [Муллонен, Панченко, 2013].

Автором списка оказался святогорский архимандрит Феофан, который приехал в Москву в июле 1663 г. с тайной дипломатической миссией встретиться с опальным патриархом Никоном для выражения ему поддержки. По ложному доносу Феофан был обвинен в шпионаже в пользу Польши, выслан сначала в Кирилло-Белозерский, а затем в декабре 1665 г. на Белое море в Соловецкий монастырь. Проведя два года в соловецкой тюрьме, Феофан решился бежать. Зная, что на материке ему придётся иметь дело с карелами, он составил небольшой русско-карельский словник, записав его на переплётных листах патерика. Записи сделаны в 1668 г. В ночь на 1 октября 1668 г. Феофан с сокамерниками решился на побег, однако карбас попал в шторм и беглецы утонули.

Список включает примерно 80 карельских слов и словосочетаний с их переводом на русский, в целом отражающих общекарельский лексический фонд, в котором отсутствуют яркие диалектные маркеры. При этом в нём присутствует некоторое количество утраченных карельскими говорами слов, во всяком случае, не зафиксированных в словарях. В целом слова могут быть сгруппированы в несколько тематических групп: названия предметов домашней утвари, одежды, животных, рыб, формулы общения. В них явно отражаются реалии тюремного быта.

Записи хранят характерные особенности, свойственные т. н. собственно карельским говорам, бытующим в Поморье и квалифицируемым как южные (тунгозерский) или переходные (подужемские). В них проявляются основные характерные особенности этих говоров: звонкость взрывных согласных *g, b, d*, дистрибуция *s // š* и *z // ž*, твердость звука *r* в позиции перед *i*, а также последовательное чередование ступеней согласных.

Эти особенности свидетельствуют о том, что тот собственно карельский говор, который отражён в записях архимандрита Феофана, сделанных в 60-е годы XVII века, исключительно близок по фонетическим позициям к современному состоянию. За прошедшие 350 лет изменения минимальны. В целом этот вывод не нов для истории карельского языка. Он подтверждается близостью собственно карельских говоров Карелии и Верхнего Поволжья, которые сформировались на основе карельского миграционного потока XVII века. Последний распространялся из Приладожья, с одной стороны, на северо-восток — в Карелию, с другой, на юг — в Верхневолжье. Утратив возможности для непосредственного общения уже несколько столетий назад, языковые коллективы сохранили, тем не менее, значительное языковое единство.

Отдельного замечания заслуживает довольно точная транскрипция Феофаном карельских слов с помощью средств кириллического алфавита, в том числе звуков, не имеющих аналогов в русской фонетической системе. К примеру, он сумел корректно передать различие карельских согласных [h] и [g] при помощи двух различных букв *г*, входивших в азбуку церковнославянского языка. Письмо фиксирует закономерности восприятия звучания карельских оригиналов. Показательно в этом плане, что в документе выбраны стратегии, аналогичные тем, что использованы на устном уровне интеграции карельских лексем и топонимов в русские говоры.

К тому же времени относится другой рукописный словарь-разговорник, обнаруженный Н. В. Савельевой в коллекции 2803 Музейского собрания ГИМ [Савельева, 2019]. В составе сборника («Цветник»), созданного «чёрным дяконом» Прохором Коломнятином в 1668 г., сохранилось три словаря — карельский, зырянский и тюркский, отражающие живую речь XVII века. Карельский словарь, озаглавленный «Сказание о преведении корѣльскаго речения на слове(н)ский», содержит около 600 слов, объединённых в 20 тематических групп: от небесных тел, времён года, дней недели, названий животных и растений до родственных отношений, пищи, названий рабочих инструментов и др. (рис. 2.). Нигде в тексте нет прямых указаний на место записи карельских слов. Однако исходя из косвенных данных,

Рис. 2. Фрагмент карельского словаря Прохора Коломятина (1668 г.).

связанных с биографией самого Прохора Коломятина, с упоминанием в тексте сборника некоторых событий, происходивших в Верхнем Поволжье, а также с тем, что рукопись использовалась там же, можно полагать её поволжское происхождение. Эти данные согласуются в целом с языковыми особенностями карельского словника, который может быть квалифицирован как представляющий южный диалект собственно карельского наречия, т.е. тот, который бытует у тверских карелов. В частности, получили отражение дифтонги и долгие гласные (правда, с учётом интеграции в русское написание), геминация и альтернация согласных. Кроме того, последовательно отражается довольно сложная система сибилантов тверских говоров — в том варианте, который свойственен т. н. толстоязычным говорам, с преобладанием шипящих *š* и *ž* [см. публикацию материалов словаря и лингвистические комментарии к нему: *Савельева и др.*, 2021]. Однако с этой, в целом однозначно карельской языковой ситуацией, вступает в противоречие облик взрывных согласных, переданных в одних словах как звонкие *b*, *g*, *d*, а в других — как их глухие варианты *p*, *k*, *t*: Пайда (карел. *paida*) — рубѧха, Ялга (карел. *jalga* ‘нога’) — нѧги, Пудро (карел. *puδρο*) — кѧша, но Майто (карел. *maidо*) — млеко, Папу (карел. *pabu* ‘боб’) — бѧбы, Шелька (карел. *šelgä*) — спѧна. Это противостояние не может быть обусловлено карельской языковой ситуацией, поскольку звонкие взрывные свойственны всем южно-карельским говорам и являются в них древнекарельским наследием. За ним не может стоять и русская фонетическая система, в которой действует четкая оппозиция звонких и глухих. Остается предполагать, что в словаре наряду с карельской лексикой представлена финская, поскольку для финских говоров как раз свойственна глухость взрывных. Это предположение находит

поддержку и в отдельных представленных в словаре лексемах, не свойственных карельскому языку, но известных финскому, напр., *Оменать* (фин. *omenat* Pl. ← *omena* ‘яблоко’) — ‘яблаки, Па́хькене пү́ (фин. *pähkinäpui*) — ‘орѣшникъ, Пёръёнъ така́ — фин. *perjantak* ‘пятница’. В этом же контексте стоит обратить внимание на завершающие карельский словарь два коротких фрагмента, озаглавленные **Жёрска(й) язы́къ в той (же) полестинѣ** и **Чу́-ханьскай в той же полестинѣ**. В первом случае имеется в виду ижорский язык, во втором — чухонский, т.е. тот, на котором говорили финны-ингерманладцы. Ключевым здесь является слово *палестина*, которое в языке XVII века значило ‘местность, край’ [СРЯ XI-XVII вв.: Вып. 14., 132]. Карельский, таким образом, был распространён в одной «палестине» или местности с ижорским и финским. Таким местом был, скорее, Карельский перешеек, территория Приладожья, чем Верхнее Поволжье. Иначе говоря, теоретически словарь может отражать те южные собственно карельские говоры, которые бытовали в Приладожье — там, откуда в XVII в. вследствие русско-шведского противостояния происходил отток карельского населения в тверские земли. В середине XVII века язык тверских карелов, надо полагать, был ещё идентичен приладожскому. Так что с точки зрения собственно языковой характеристики записи могли производиться как в Приладожье, так и в тверских землях. Собственно, и за последующие три с половиной столетия изменения очень незначительны, что подтверждает сравнение свода словаря с данными современных тверских говоров. Об этом свидетельствует и упоминавшаяся выше значительная близость южных собственно карельских говоров Верхневолжья и Карелии.

Замыкает список рукописных памятников карельского языка русско-карельская словарная запись начала XVIII века, включающая 116 словарных пар, в том числе несколько словосочетаний и выражений. Словарь размещён на 4 страницах рукописного сборника из бывшего собрания П. П. Вяземского, хранящегося в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. В своё время рукопись привлекла внимание известного исследователя древнерусской литературы В. Н. Перетца, охарактеризовавшего её как сборник текстов «преимущественно календарного и справочного характера», который писался и переписывался в старообрядческой среде [Перетц, 1903]. На листах, приклеенных к переплету сборника, помещены записи торгового характера, указывающие на то, что владельцем, а возможно, и составителем сборника был достаточно зажиточный торговец, ведущий торговые операции в Карелии. Именно для этого ему понадобился словарь самых необходимых карельских слов и выражений. Словарь был опубликован в статье в орфографии подлинника и дополнен финскими параллелями.

В 1960-е годы словарные записи привлекли внимание Н. А. Мещерского [Мещерский, 1961], который остановился на их графической и палеографической стороне, обратив особое внимание на закономерности передачи специфических карельских звуков средствами русского письма: согласный *h* последовательно передаётся с помощью буквы *г*; долгие гласные сокращаются; гласные переднего ряда *ä, ö, y* пишутся как *а, о, у*, хотя в отдельных случаях есть попытка отразить их специфику специальными значками

над гласными звуками. В целом автор статьи приходит к выводу, что писавший был русским грамотным человеком, однако не знал карельского языка. Кроме того, есть указания на то, что текст прошёл через руки нескольких переписчиков, причем, из старообрядческой среды. В статье помещён весь текст словаря, при этом исправлены погрешности, допущенные в предшествующем издании.

Авторы названных выше публикаций оставили, однако, без ответа наиболее важный для карельского языка вопроса: какое карельское наречие или диалект представлен в словаре? В. Н. Перец вскользь упоминает о том, что словарные записи были вызваны необходимостью вести торговые операции на севере, в Карелии. Н. А. Мещерский добавляет, что старообрядческий фон записей вызван существовавшим на территории Карелии в конце XVII — начале XVIII вв. одного из важнейших центров «поморского согласия» — Выго-Лексинского скита, который играл значительную роль в экономической жизни близлежащих карельских районов. В пользу одного из карельских диалектов нынешней Карелии косвенно свидетельствует, кажется, и сам список лексем, который помимо лексики основного словарного фонда включает названия пушных зверей: *белка* — *орава*, *бобр* — *мая[ва]*, *выдра* — *сарва*, *горносталь* — *пордымо*, *рысь* — *илвес*, а также выразительный ландшафтный термин *вара* [ʋoara, ʋuara] — *гора*, маркирующий как раз собственно карельские говоры Карелии. С другой стороны, заметки торгового характера, включающие, в частности, расчёты провоза товаров по водным путям, явно указывают на пути, соединяющие Петербург с Нижним Новгородом, т.е. проходящие через карельское Поволжье. Кроме того, стоит учитывать, что старообрядчество характеризовало не только Карелию, но и Поволжье — территорию бытования тихвинских, тверских и новгородских говоров, а ценность лексических особенностей для диалектной дифференциации относительна. Наиболее показательны фонетико-морфологические критерии, однако они дают неоднозначный результат. С точки зрения таких принципиально важных маркеров как альтернация согласных или представительство конечных гласных, а также облика местоименных форм это несомненный южный собственно карельский диалект. Однако наличие свистящих согласных на месте собственно карельских шипящих усложняет решение задачи. Шипящие *š* и *ž* — отличительный признак всех собственно карельских говоров. И хотя они, видимо, отсутствовали в фонетической системе древнекарельского языка [Virtaranta, 1984: 260], их раннее появление засвидетельствовано уже в берестяной грамоте XIII в. (см. выше), а также писцовыми документами рубежа XV-XVI вв. Они, безусловно, существовали во время массового переселения карелов XVII в., что надёжно подтверждается их присутствием в карельских говорах, с одной стороны, центральной Карелии, с другой — Поволжья, т.е. шипящие были принесены в ходе миграции с исторической карельской в этноязыковом отношении территории Приладожья. Об этом же наглядно свидетельствуют русско-карельские записи 1667 года, сделанные в Соловецком монастыре, а также карело-русский разговорник 1668 года (см. выше). Наименьшим представителем шипящих в собственно карельском наречии характеризуются южные собственно карельские говоры приграничной Карелии (Суоярви,

Суйстамо, Корписелькя), бытовавшие до второй мировой войны в северо-восточном Приладожье, а также средней Карелии (Мяндусельгский, Поросозерский). Однако следует иметь в виду, что в названных говорах такая ситуация сложилась, как считают исследователи, вторично, т.е. свистящий *s* пришёл на смену первоначального шипящего *š* в результате значительного воздействия территориально смежных ливвиковского и людиковского наречий карельского языка [Новак и др., 2019: 80-86]. По совокупности признаков язык памятника начала XVIII века в целом был близок (хотя не идентичен) языку названных южных собственно карельских говоров. Сказать что-то более конкретное на данном этапе исследования не представляется возможным.

Надо полагать, что до нас дошли далеко не все попытки записать прибалтийско-финскую (карельскую) речь. Так, в сочинении нидерландского путешественника XVI века Симона Ф. Салингена упоминается некий Федор Сиденов или Чудинов (в голландском подлиннике *Zydenov*) из города Кандалакши, который изобрёл письмена для карельского языка и записал ими «Отче наш» и некоторые другие тексты религиозного содержания [Алексеев, 1956: 30]. Он может быть в каком-то смысле уподоблен просветителю коми Стефану Пермскому, положившему в XIV веке начало пермской письменности. К сожалению, плоды деятельности карельского просветителя утрачены, как, возможно, и другие подобные памятники. Впрочем, история свидетельствует о том, что счастливые архивные находки возможны и сейчас, так что список — пока достаточно краткий — может ещё пополниться.

Известные на сегодняшний день рукописные памятники неоднозначны с позиций их языковой атрибуции. Из текстов XVII — начала XVIII веков лишь один — записи Феофана — локализован территориально более менее точно, остальные (как собственно карельские, так и людиковский) не имеют ареальной привязки, что осложняет их атрибуцию. Тексты памятников засвидетельствовали — пусть и пунктирно — некоторую динамику в формировании карельской диалектной карты. Рудименты языка, реконструирующегося на базе берестяной грамоты 292, указывают, скорее, не на карельский, а на «чудской», т.е. представленный в Поволхове язык (или праязык) прибалтийско-финского типа, определённые признаки которого наследуются и вепским, и карельским языком. Признаки, дифференцирующие вепские и людиковские говоры, носили в XVII веке менее отчётливый характер, чем сейчас, однако записи заговоров дают основание полагать, что в это время уже происходило формирование людиковских дистрибутирующих особенностей путём укрепления в говорах карельских дифференцирующих особенностей и размывания вепских. Что же касается собственно карельского наречия того же времени, то оно за три столетия, до середины XX века, когда начался интенсивный процесс утраты языка, подверглось минимальным изменениям, относящимся преимущественно к словарному составу. Очевидно, основные карельские признаки уже сложились к XVII веку и сохранялись в дальнейшем в разных диалектах — продолжателях древнекарельского языка.

Список литературы

Алексеев М. П. Западноевропейские словарные материалы в древнерусских азбучниках XVI–XVII вв. Сб. статей акад. В. В. Виноградову, к его шестидесятилетию. М.: Изд-во АН СССР, 1956.

Баранцев А. П. О людиковском языковом памятнике начала XVII века // Советское финно-угроведение. 1984. Т. 20. № 4. С. 298–303.

Баранцев А. П. Людиковские заговоры начала XVII века: тексты, чтение // Советское финно-угроведение. 1987. Т. 23. № 4. С. 285–294.

Елисеев Ю. С. Древнейший письменный памятник одного из прибалтийско-финских языков. Известия АН СССР. Отделение литературы и языка, 1959. Т. 18. Вып. 1. С. 65–72.

Кузьмин Д. В. К реконструкции древнекарельского именника // Вопросы ономастики 2020. Т. 17. № 2. С. 9–35.

Кюришунова И. А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010.

Мызников С. А. Карельско-вепские заговоры Олонецкого сборника // Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX в. Составление, подготовка текстов, статьи и комментарии А. Л. Топоркова. М.: Индрик, 2010. С. 286–312.

Мещерский Н. А. Русско-карельские словарные записи XVI — начала XVIII в. // Прибалтийско-финское языкознание. К 70-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д. В. Бубриха. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 16–32.

Муллонен И. И., Панченко О. В. Первый карельско-русский словарь и его автор афонский архимандрит Феофан / Петрозаводск: изд-во ПетрГУ, 2013.

Новак И., Пенттонен М., Руусканен А., Сиилин Л. Карельский язык в грамматиках: сравнительное исследование фонетической и морфологической систем. Петрозаводск: Периодика, 2019.

Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской Духовной академии / Сост. И. Я. Порфирьев, П. В. Знаменский, А. В. Вадковский, Н. Ф. Красносельцев и др. Казань, 1885. Ч. 2. С. 186–188.

Перетц В. Н. Русско-карельский словарь по рукописи начала XVIII столетия // Русский филологический вестник. Варшава, 1903. № 3–4.

Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л.: Наука, 1965.

Попов А. И. Материалы по топонимике Карелии // Советское финно-угроведение. Петрозаводск, 1949. С. 46–66.

Савельева Н. В. Неизвестные памятники лексикографии в «Цветнике» Прохора Коломнятина // Русская литература, 2019. № 3. С. 54–63.

Савельева Н., Муллонен И., Федюнева Г. Карело-русский и коми-зырянско-русский словари-разговорники в рукописном сборнике 1668 г. // *Linguistica Uralica* (2021, в печати).

Топорков А. Л. 2010 — Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX в. Составление, подготовка текстов, статьи и комментарии А. Л. Топоркова. М.: Индрик, 2010.

Хелимский, Е. А. О прибалтийско-финском языковом материале в новгородских берестяных грамотах // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М.: Наука, 1986. С. 252–259.

Haavio M. Tuohikirje n:o 292: Vanha suomalaisen muinaisuskonnon lähde // *Virittäjä* 1964. № 68. S. 1–17.

Häkkinen K. Suomen kielen historia. 1. Suomen kielen äänne- ja muotorakenteen historiallista taustaa. 3. uudistettu painos. Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen

kielitieteen laitoksen julkaisuja 69. Turku: Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitos, 2002.

KKS — Karjalan kielen sanakirja / toim. P. Virtaranta, R. Koponen, M. Torikka, L. Joki. Helsinki: SUS, 1968–2005. Osat 1–6. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVI).

Kuzmin D. Vienan Karjalan asutushistoria nimistön valossa. Helsinki: Unigrafia Oy, 2014.

Mikkola J. Karjalaisia sanoja XVII vuosisadalta // Virittäjä. 1901. S. 101–102.

Mikkola J. Vanha karjalais-venäläinen sanaluettelo // Virittäjä. 1932. S. 101–104.

Nissilä V. Die Dorfnamen des alten lüdischen Gebietes. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1967.

Nissilä V. Suomen Karjalan nimistö. Joensuu: Vammalan Kirjapaino Oy, 1975.

Rahkonen P. Finno-Ugrian hydronyms of the river Volkhov and Luga catchment areals // Journal de Societe Finno-Ourienn 93. Helsinki, 2011. P. 205–266.

Raunama J. The Distribution of Village Names Based on Pre-Christian Finnic Personal Names in the Baltic Sea Area // Finnisch-Ugrische Forschungen 65, 2020. P. 98–152.

Ronimus J. V. Novgorodin Vatjalaisen viidenneksen verokirja v.1500 ja Karjalan silloinen asutus. Kirjoittanut J. V. Ronimus, 129–133 Historiallinen arkisto XX. Ensimmäinen vihko. Joensuu, 1906. S. 1–135.

Sarikivi J. Finnic Personal Names on Novgorod Birch Bark Documents // Topics on the Ethnic, Linguistic and Cultural Making of the Russian North. Juhani Nuorluoto (ed.). Slavica Helsingiensia 32. Helsinki, 2007. P. 196–246.

Vermeer W. Aspects of the oldest Finnic poem and some related texts (Novgorod birchbark documents 292, 56 and 403) // Studies in West Slavic and Baltic Linguistics. Studies in Slavic and General Linguistics. Edit.by A.A. Barentsen, B.M. Groen, R. Sprenger. Amsterdam, 1991. P. 315–369.

Winkler E. Anmerkungen zu zwei Sprachdenkmälern der ostseefinnischen Sprachen // Linguistica Uralica 1998, 34. P. 23–29; Laakso J. Vielä kerran itämerensuomen vanhimmista muistomerkeistä // Virittäjä. 1999, № 4. S. 531–555.

Virtaranta P. Über das s im Karelistischen // Studien zur phonologischen Beschreibung uralischer Sprachen. Budapest, 1984.

DOI: